

Джон Стейнбек

«Великие горы»

(из сборника «Рыжий пони»)

Стоял знойный летний день, и маленький Джоди, истомившись от жары, оглядывал ранчо — чем бы заняться? Он уже побывал в конюшне, пошвырял камнями в ласточкины гнезда под свесами крыши, пока из каждого такого куличика не посыпалась подстилка, солома и грязные перья. В доме он зарядил крысоловку куском прогорклого сыра и поставил туда, где в нее обязательно сунется Бой — беззлобная здоровенная псина. Не то чтобы в Джоди вдруг проснулся злодей, просто он уже не знал, как спастись от жары да скуки. Бой и вправду сунул свой глупый нос в крысоловку, здорово его прищемил и, взыв от боли, захромал прочь с окровавленными ноздрями. Чуть что, Бой сразу начинал хромать. Уж такой был пес. Когда-то в молодости он попал в капкан для койотов и с тех пор хромал, даже если его просто бранили.

Когда Бой заскулил, мать Джоди крикнула из дому:

— Джоди! Перестань мучить пса, займись чем-нибудь!

Джоди стало стыдно, и он запустил в Боя камнем. Потом взял с крыльца рогатку и пошел к живой изгороди: вдруг удастся подстрелить птицу? Рогатка была что надо, резинка плотная, из магазина, но Джоди, хоть и стрелял по птицам частенько, ни разу ни в одну не попал. Он прошел через огород, вздымая пыль босыми пальцами ног. По пути ему попался отличный камень для рогатки, круглый, чуть уплощенный и в меру тяжелый — полетит как пуля. Зарядив оружие — положив камень на кожаную заплатку, что была вшита в резинку, — Джоди пошел к живой изгороди. Глаза его сузились, язык напряженно облизывал губы, впервые за день Джоди на чем-то сосредоточился. В тени полыни трудились пташки, шебаршили среди листвы, такие неугомонные: отлетят на несколько футов — и назад, снова давай шебаршить. Оттянув резинку, Джоди стал осторожно подкрадываться. Один маленький дрозд застыл на месте, посмотрел на Джоди и нахохлился, готовый взлететь. Джоди бочком, мелкими шажками, подбирался ближе. Когда до дрозда осталось футов двадцать, он, стараясь не делать резких движений, поднял рогатку и прицелился. Камень со свистом рассек воздух; дрозд встрепенулся, взлетел — и снаряд настиг его. Птичка с разбитой головой упала на землю. Джоди подбежал и поднял ее.

— Попалась, — пробормотал он.

Мертвая, птичка как-то съежилась, стала меньше. От стыда за содеянное у Джоди кольнуло в желудке, он достал перочинный ножик и отрезал птичке голову. Потом выпотрошил ее, отрезал крылья; и наконец выбросил все в кусты. Его не мучила совесть из-за птички, ее жизни, смущало другое: он знал, что бы сказали взрослые, увидь они, как он убивает птицу. А их мнением о себе он дорожил. Лучше быстрее забыть эту историю и никогда о ней не вспоминать.

В предгорьях в это время года стояла сушь, и трава пожелтела, но возле круглого корыта, в которое по трубе стекала ключевая вода, трава была ярко-зеленая сочная, густая и влажная — вода переливалась через край. Джоди попил из мшистого корыта, смыл холодной водой птичью кровь с рук. Потом лег в траву на спину и стал разглядывать пухлые лепешки летних

облаков. Он закрыл один глаз, и перспектива сразу исказилась — облака так надвинулись на него, что их можно было погладить. Он помог слабенькому ветерку подтолкнуть их по небу; кажется, с его помощью они поплыли быстрее. Одно вздутое белое облако он помог отогнать до самых гор, прижал его как следует и оно исчезло за вершинами. Интересно, что ему там открылось? Джоди сел, чтобы лучше видеть большие горы, ту их часть, где они наслаиваются одна на другую, темнеют, наливаются неведомой силой — и кончаются за одним ребристым кряжем, высоко на западе. Загадочные, таинственные горы; ведь он почти ничего о них не знает.

— А что на той стороне? — как-то спросил он отца.

— Тоже горы, наверное. А что?

— А за теми горами?

— Тоже горы. А что?

— Только горы, горы и больше ничего?

— Ну, почему. В конце концов доберешься до океана.

— А в самих-то горах что?

— Утесы да заросли, скалы да сушь.

— Ты там бывал?

— Нет.

— А кто-нибудь?

— Кое-кто, наверное, бывал. Опасно там — утесы и все такое. Да что, я где-то читал, в горах графства Монтерей неисследованных краев больше, чем во всех Соединенных Штатах. — Казалось, отец этим гордится.

— А потом — океан?

— Потом океан.

— А между горами и океаном? — настаивал мальчик. Никто не знает?

— Кое-кто, наверное, знает. Только ведь разжиться там нечем. Даже воды кот заплакал. Одни скалы, утесы да непролазные чащи. А что?

— Сходить бы туда.

— Зачем? Там ничего нет.

Но Джоди знал — что-то все же есть, что-то чудесное, раз об этом не знает никто, что-то таинственное, неведомое. Джоди верил в это всей душой. Однажды он спросил у мамы:

— А что там, в больших горах, знаешь?

Она посмотрела на него, перевела взгляд на ощерившийся горный хребет и сказала:

— Наверное, только медведь.

— Какой медведь?

— Который пошел в горы на природу посмотреть.

Спрашивал Джоди и Билли Бака, что работал у них на ферме: может, в горах затерялись какие-то древние города? Но Билли был того же мнения, что и отец.

— Вряд ли, — сказал он. — Ведь есть там нечего, раздолье разве что для камнеедов.

Никаких других сведений о горах у Джоди не было, и оттого они были ему дороги, внушали благоговейный страх. Он часто думал о горных кряжах, что тянутся миля за милей, а потом — море. Утром вершины гор озарялись розовым светом и будто приглашали его — иди к нам; а вечером, когда солнце скрывалось за неровной кромкой и горы багровели, будто с отчаяния, Джоди их боялся; они становились какими-то безликими, отчужденными, в самой их невозмутимости таилась угроза.

Джоди повернулся к востоку — там тоже были горы, Габиланы, и эти горы были веселые, в складках холмов гнездились ранчо, на гребнях росли сосны. Там жили люди, в свое время на склонах этих холмов шли бои с мексиканцами. На мгновение он оглянулся на Великие горы и даже поежился — вот это разница. Лощина у основания холма, в которой лежало их ранчо, освещалась солнцем, радовала глаз. Дом сиял белизной, а от коричневой конюшни исходило тепло. На дальнем холме, потихоньку передвигаясь к северу, паслись рыжие коровы. Вписывался в общую картину и радовал глаз даже темный кипарис возле барака. В пыли, словно танцую быстрый вальс, копошились цыплята.

Внимание Джоди привлекла движущаяся фигура. По дороге из Салинаса медленно шел человек, он спускался к их дому. Джоди поднялся и тоже зашагал вниз, в сторону дома — если кто-то идет к ним, как же такое пропустить? Когда мальчик был уже на месте, человек — худощавый, спину держит прямо — прошел лишь полпути. Джоди понял, что он немолод, только по одному признаку — уж слишком отрывисто ударяли землю его каблуки. Он подошел ближе, и Джоди разглядел синие джинсы, куртку из такого же материала. На ногах — грубые, тяжелые башмаки, на голове — потертая широкополая шляпа с плоскими полями. За плечами джутовый мешок, набитый до отказа — что-то из него выпирало. Еще два десятка тяжелых шагов — и можно рассмотреть лицо. Оно было темным, как кусок вяленого мяса. Усы, голубовато-белые на фоне темной кожи, нависали надо ртом, волосы — они виднелись на шее — тоже были белые. Кожа словно усохла и обтянула череп, да так, что выступали скулы, плоти не было, и нос с подбородком казались острыми и хрупкими. Глубоко посаженные глаза — большие и темные, их прикрывали туго натянутые веки. Радужные оболочки и зрачки слились в черный цвет, глазные же яблоки были коричневыми. На лице — ни единой морщины. Голубая джинсовая куртка на старике была застегнута на медные пуговицы доверху — как у всех, кто носит куртку на голое тело. Из рукавов торчали сильные костистые руки — шишковатые, в переплетении вен, крепкие, как ветки персикового дерева. Ногти плоские, широкие и блестящие.

Приблизившись к воротам, старик сбросил на землю мешок и тут увидел Джоди. Губы его чуть шевельнулись, и сквозь них просочился мягкий, неопределенный звук.

— Ты здесь живешь?

Джоди смутился. Он обернулся и посмотрел на дом, потом бросил взгляд в сторону коровника, где были отец и Билли Бак.

— Да, — ответил он, не дождавшись помощи ни с той, ни с другой стороны.

— Я вернулся, — объявил старик. — Меня зовут Гитано, и я вернулся.

Джоди понял, что это для него чересчур серьезно. Он стремглав кинулся домой за помощью, громко хлопнул дверью с металлической сеткой. Мама была на кухне, прикусив нижнюю губу, она сосредоточенно протыкала шпилькой забитые отверстия дуршлага.

— Там старик, — взволнованно крикнул Джоди. — Старый пайсано говорит, что он вернулся.

Мама положила дуршлаг и постучала шпилькой о раковину.

— Ну, что еще случилось? — терпеливо спросила она.

— Там старик. Выйди.

— И что он хочет?

Она развязала тесемки передника, пригладила пальцами волосы.

— Не знаю. Он пришел и все.

Расправив складки на платье, мама вышла из дому, Джоди за ней. Гитано стоял на том же месте.

— Да? — спросила миссис Тифлин.

Гитано снял потрепанную черную шляпу и, держа ее перед собой обеими руками, повторил:

— Меня зовут Гитано, и я вернулся.

— Вернулся? Куда?

Всем распрявленным телом Гитано чуть склонился вперед. Правая его рука описала круг — холмы, поля на склонах, горы — и снова застыла на шляпе.

— На ранчо. Я здесь родился, и мой отец тоже.

— Здесь? — удивилась она. — Этот дом не такой старый.

— Нет, там, — ответил он, указывая на западный хребет. — На той стороне, того дома теперь нет.

Наконец она поняла.

— В старой глинобитной хижине, которую почти всю смыло?

— Да, сеньора. На ранчо никого не осталось, подмазать хижину известью было некому, вот ее и смыло дождями.

Мать Джоди немного помолчала, в голове мелькнули непривычные мысли о том, что без родного дома, должно быть, очень тоскливо, но она их быстро отогнала.

— И что вы теперь хотите, Гитано?

— Я останусь здесь, — сказал он негромко. — Пока не умру.

— Но работников нам не требуется.

— Работать как прежде я уже не могу, сеньора. Подоить корову, накормить цыплят, нарубить дровишек — это да. И только. Я останусь здесь. — Он показал на лежавший рядом мешок. — Вот мои пожитки.

Мать повернулась к Джоди.

— Беги в коровник и позови отца.

Джоди как ветром сдуло, и скоро он привел Карла Тифлина и Билли Бака. Старик стоял на прежнем месте, только теперь он отдыхал. Все его тело, как бы осев, пребывало в состоянии безмятежного покоя.

— В чем дело? — спросил Карл Тифлин. — Из-за чего Джоди такой шум поднял?

Миссис Тифлин кивнула на старика.

— Он хочет у нас остаться. Кое в чем помогать по хозяйству и остаться здесь.

— Мы его взять не можем. Нам люди не нужны. Да и стар он слишком. Все, что надо, делает Билли.

Они говорили о Гитано, будто его и в природе не было, и вдруг до обоих это дошло; они посмотрели на старика и смутились.

Он откашлялся.

— Слишком стар я, чтобы работать, это верно. Я пришел туда, где родился.

— Ты родился не здесь, — возразил Карл.

— Не здесь. В глинобитной хижине за холмом. Раньше, до вас, все это было одно ранчо.

— В доме из глины, который весь рассыпался?

— Да. И я там родился, и мой отец. Я останусь здесь, на ранчо.

— Говорю тебе, не останешься, — рассердился Карл. — Какая мне польза от старика? Ферма у меня не бог весть какая большая. Кормить старика да оплачивать счета доктору — это мне не по карману. Должны же у тебя быть родственники, друзья. К ним и иди. А то пришел к чужим людям, будто нищий.

— Я здесь родился, — терпеливо и неколебимо сказал Гитано.

Карл Тифлин не любил быть жестоким, но тут понял — без этого не обойтись.

— Сегодня можешь у нас поесть, — распорядился он. — Поспишь в старом сарае. Наутро покормим тебя завтраком, а дальше иди своей дорогой. К друзьям. А умирать у чужих людей — это не дело.

Гитано напялил черную шляпу, наклонился за мешком.

— Это мои пожитки, — объяснил он.

Карл отвернулся.

— Пошли, Билли, надо доделать дела в коровнике. Джоди, отведи его в сарай, в комнатку.

Отец и Билли пошли к коровнику. Миссис Тифлин вернулась в дом, бросив через плечо:

— Сейчас дам одеяла.

Гитано вопросительно посмотрел на Джоди.

— Идите за мной, — сказал мальчик.

В комнатке стояла койка с трухлявым матрасом, кресло-качалка без спинки, да ящик из-под яблоч, а в нем — фонарь из жести. Гитано осторожно опустил мешок на пол и сел на кровать. Джоди маялся у двери, не зная, уходить или нет. Наконец, спросил:

— Вы спустились с больших гор?

Гитано медленно покачал головой.

— Нет. Я работал в долине Салинас.

Прежние мысли все не оставляли Джоди.

— А в тех больших горах вы когда-нибудь бывали?

Темные, много повидавшие глаза старика застыли, повернули свой свет внутрь — в голове Гитано чередой пошли прожитые годы.

— Один раз, когда был мальчонкой. Отец брал меня с собой.

— В самые горы?

— Да.

— И что вы там видели? — встрепенулся Джоди. — Людей, лошадей?

— Нет.

— А что там было?

Гитано все думал о своем. Он силился вспомнить, у бровей появились едва заметные морщинки.

— Что вы там видели? — повторил Джоди.

— Не знаю, — сказал Гитано. — Не помню.

— Там было жутко? Кругом сушь?

— Не помню.

От возбуждения Джоди совсем осмелел.

— Ну хоть что-нибудь вы должны помнить!

Гитано хотел что-то сказать, приоткрыл рот, подобрал нужные слова.

— Кажется, там было тихо... и красиво.

Глаза Гитано словно что-то увидели в прошедших годах — они потеплели, в них проскользнула улыбка.

— А потом вы в горы больше не ходили? — выпытывал Джо.

— Нет.

— И никогда не хотелось?

Но на лице Гитано уже появилось раздражение.

— Нет, — ответил он, и по его тону Джоди понял говорить об этом старик больше не желает. Мальчик стоял, словно зачарованный. Уходить не хотелось. К нему вернулась привычная робость.

— Давайте сходим в коровник и посмотрим скотину? — предложил он.

Гитано поднялся, надел шляпу и собрался идти за Джоди.

Уже почти стемнело. Они остановились возле желоба для воды, куда на вечерний водопой сбредались с горных лугов лошади. Большими узловатыми руками Гитано оперся о верхнюю перекладину забора. Пять лошадей спустились к желобу, напились вволю и, отошли в сторонку, принялись пощипывать сухие травинки, тереться боками о колья забора, отполированные до блеска. Прошло какое-то время, и из-за холма, тяжело ковыляя, появилась старая коняга. Зубы у нее были желтые, длинные; копыта плоские и заостренные, будто лопаты; ребра и таз выпирали из-под кожи. Через силу дохромав до желоба, она стала пить воду, громко причмокивая.

— Это старина Истер, — объяснил Джоди. — Самый первый конь моего отца. Ему тридцать лет.

Он взглянул в старые глаза Гитано, ожидая какого-нибудь ответа.

— Уже не тянет, — сказал Гитано.

Из коровника вышли отец Джоди и Билли Бак и направились к ним.

— Слишком стар, чтоб работать, — повторил Гитано. — Только ест, скоро смерть его приберет.

Карл Тифлин услышал последние слова. Он был зол на себя, что так жестоко обошелся со старым Гитано, и жестокость опять полезла из него.

— Давно бы пора пристрелить Истера, — заговорил он. — Избавили бы его от боли, от ревматизма. — Он искоса посмотрел на Гитано — уловил ли тот параллель, но большие костистые руки не шевельнулись, глаза недвижно смотрели на лошадь. — К старичью надо быть милосердным, избавлять от страданий, — продолжал отец Джоди. — Один выстрел, сильный шум, одна сильная боль — скажем, в голове — и все. Это лучше, чем вечная ломота в костях и гнилые зубы.

— Старики имеют право отдохнуть, — вмешался Билли Бак. — Шутка ли, проработали всю жизнь. Может, они не против еще поболтаться на этом свете.

Карл внимательно вглядывался в исхудавшую лошадь.

— Ты не представляешь, каков был Истер в старые времена, — сказал он с теплыми нотками в голосе. — Вскинутая шея, точеная грудь, изящный круп. Барьер из пяти перекладин брал почти с места. Я на нем выиграл заезд, когда мне было всего пятнадцать лет. Пару сотен всегда мог на нем заработать. Не представляешь, каков был красавец. — Он оборвал себя, потому что презирал мягкотелость. — Но сейчас его надо пристрелить, — заключил он.

— Он имеет право отдохнуть, — стоял на своем Билли Бак.

Отцу Джоди пришла в голову забавная мысль. Он повернулся к Гитано.

— Если бы в предгорьях росла яичница с ветчиной, — сказал он, — я бы тебя взял — пасись

на здоровье. Но чтобы ты пасся в моей кухне — это мне не по карману.

И, засмеявшись, он вместе с Билли Баком пошел к дому.

— Расти в предгорьях яичница с ветчиной, — добавил он, — мы бы и сами подкормились.

Джоди знал: это отец ищет, как бы сделать Гитано побольней. Он и Джоди часто бил по больному месту. Всегда знал, как ужалить, как растравить душу.

— Это он так только говорит, — пояснил Джоди. — Ни в жизни он Истера не застрелит. Он его любит. Ведь Истер — его самая первая лошадь.

Солнце укатилось за высокие горы, стоявшие незыблемой стеной, и на ранчо все притихло. В вечернюю пору Гитано, похоже, почувствовал себя уютнее. Он издал губами чудной резкий звук и протянул руку за забор. Старый Истер подковылял на зов, и Гитано почесал под гривой тощую шею.

— Он вам нравится? — негромко спросил Джоди

— Да... только ни черта уже не тянет.

В доме зазвонили в железный треугольник.

— Ужин! — воскликнул Джоди. — Пошли ужинать.

По дороге к дому Джоди снова заметил — держится Гитано прямехонько, совсем как юноша. Старика в нем выдавали лишь судорожные движения да шарканье каблучков.

В нижние ветви кипариса возле сарая залетела стая грузных индеек. Лоснящийся от жира домашний кот прошествовал по дороге с крысой в зубах, такой здоровенной, что хвост ее волочился по земле. Где-то в предгорьях перекликались куропатки, напоминая журчание родника.

Джоди и Гитано подошли к задним ступенькам, и через дверь с металлической сеткой на них посмотрела миссис Тифлин.

— Бегом, Джоди. Проходите, Гитано, будем ужинать.

Карл и Билли Бак уже ели за покрытым клеенкой длинным столом. Джоди скользнул на свой стул, даже не сдвинув его с места. Гитано же продолжал стоять и мять в руках шляпу, пока Карл не поднял голову и не сказал:

— Садись, садись. Перед дальней дорогой набить брюхо не мешает.

Карл боялся, что сжалится над стариком и позволит ему остаться, потому и был все время начеку — нюни распускать нечего.

Гитано положил шляпу на пол и робко сел за стол. Брать ничего не стал. Карл протянул ему тарелку.

— Вот, накладывай.

Гитано ел очень медленно, отрезая крошечные кусочки мяса и сгребая пюре в маленькие кучки.

У Карла Тифлина, однако же, душа была не на месте.

— А что, в этих краях у тебя никаких родственников? — спросил он.

— У меня зять в Монтерее, — ответил Гитано не без гордости. — И двоюродные там есть.

— Ну, так поезжай туда и живи с ними.

— Я родился здесь, — возразил Гитано с мягким упреком.

Из кухни вышла мать, в большой миске она несла запеканку из тапиоки.

— Я тебе говорил, — с ухмылкой обратился к ней Карл, — что я ему сказал? Что я бы его взял, расти в предгорьях яичница с ветчиной — пусть пасется на здоровье, как старина Истер.

Гитано сидел, не поднимая глаз от тарелки.

— Жаль, что он не может остаться, — сказала миссис Тифлин.

— Давай не будем, — сердито прервал ее Карл.

После еды Карл, Билли Бак и Джоди перебрались в гостиную — немного посидеть, — Гитано же, безо всяких «до свидания» или «спасибо», сразу вышел из дому через кухонную дверь. Джоди украдкой поглядывал на отца. Знал — отец сам себя стыдится.

— В наших краях полно этих старых пайсано, — сказал Карл Билли Баку.

— Да ведь они двужильные, — заступился за них Билли. — Белым в жизни до таких годов не проработать. Видел я одного, самому сто пять лет, так он еще верхом ездит. Найди-ка среди белых такого старика, как Гитано, чтобы протопал пешком двадцать или тридцать миль.

— Что им износу нет, это факт, — согласился Карл. — И ты, значит, хочешь за него слово замолвить? Пойми, Билли, — начал объяснять он, — я и без лишних ртов едва держусь на плаву, того и гляди приберет наше ранчо Итальянский банк. Ты же знаешь это, Билли.

— Ясное дело, знаю, — сказал Билли. — Будь ты богатый, какие разговоры.

— То-то и оно, а ведь у него и родственники есть. Зять и двоюродные прямо в Монтерее. Пусть к ним и идет, а при чем здесь я?

Джоди тихонько сидел и слушал, а в ушах стоял негромкий голос Гитано и его неопровержимое: «Но я здесь родился». Было в Гитано что-то таинственное, как в самих горах. Горные хребты тянулись далеко, сколько хватало глаз, но за самым последним взмывшим к небу хребтом скрывалась огромная неведомая страна. Так и Гитано — он был стариком, пока ты не вглядывался в его подслеповатые темные глаза. В их глубине таилось что-то неведомое. Говорил он слишком мало — не догадаешься, что там у него внутри. Джоди так и тянуло к сараю. Пока отец говорил, он соскользнул со стула и бесшумно вышел из дому.

Тьма была непроглядная, и далекие звуки гор доносились четко и ясно. Из-за холма слышалось позвякивание колокольчиков — это ехала по проселочной дороге бригада лесорубов. Джоди осторожно пробирался по темному двору. В окне комнатки в сарае горел свет. Ночь всегда несла с собой тайну, поэтому Джоди тихонько подошел к окну и заглянул внутрь. Гитано сидел в кресле-качалке, спиной к окну. Правой рукой он делал перед собой какие-то плавные движения. Джоди толкнул дверь и вошел. Гитано резко выпрямился и, схватив кусок оленьей кожи, попытался прикрыть им что-то у себя на коленях, но кожа соскользнула на пол. Джоди, пораженный, смотрел на руки Гитано — в них была изящная и тонкая рапира с золотистым эфесом в форме корзинки. Острие выходило из него пронзительным темным лучиком. На эфесе виднелись прорези и тонкая резьба.

— Что это? — спросил Джоди.

Гитано лишь обиженно взглянул на него, подобрал упавший лоскут оленьей кожи и решительно завернул в него прекрасное острие.

— Можно посмотреть? — Джоди протянул руку.

В глазах Гитано полыхнули сердитые огоньки, и он покачал головой.

— Где вы ее взяли? Откуда она?

На сей раз Гитано посмотрел на него внимательно, словно в размышлении.

— Досталась от отца.

— А ему? Ему от кого?

Гитано перевел взгляд на длинный сверток из оленьей шкуры.

— Не знаю.

— Он никогда не говорил?

— Нет.

— И что вы с ней делаете?

Гитано слегка удивился.

— Ничего. Просто храню.

— Может, все-таки покажете?

Старик медленно развернул острие, на секунду позволил свету лампы скользнуть по нему. Потом снова завернул.

— Теперь иди. Я хочу спать.

Он задул лампу, не успел Джоди выйти за дверь.

Джоди шел назад к дому, ясно — как никогда в жизни — понимая одно: он никому не должен говорить про рапиру. Сказать кому-то про нее — невысказанно, хрупкий домик правды сразу рухнет. Если такой правдой поделиться, она погибнет.

Посреди темного двора Джоди встретил Билли Бака.

— Тебя там уже хватились, — сказал Билли.

Джоди проскользнул в гостиную, и отец повернулся к нему.

— Где тебя носит?

— Ходил смотреть, не попала ли крыса в мою новую крысоловку.

— Иди спать, — велел отец.

К завтраку Джоди вышел первым. Потом появился отец, потом и Билли Бак. Из кухни

выглянула миссис Тифлин.

— А где старик, Билли? — спросила она.

— Наверное, пошел прогуляться, — ответил Билли. — Я заглянул в его комнатку, там пусто.

— Может, с утра двинулся в Монтерей, — предположил Карл. — Дорога дальняя.

— Нет, — возразил Билли. — Его мешок на месте.

Позавтракав, Джоди пошел к сараю. В солнечном свете мелькали мухи. Казалось, в это утро на ранчо особенно тихо. Убедившись, что никто за ним не смотрит, Джоди вошел в комнатку и заглянул в мешок Гитано. Запасная пара длинного хлопкового белья, запасная пара джинсов, три пары изношенных носков. Больше в мешке ничего не было. У Джоди защемило сердце, будто у него что-то отняли. Он побрел назад к дому. Отец стоял на крылечке и разговаривал с миссис Тифлин.

— Похоже, старина Истер все-таки откинул копыта, — сказал он. — На водопой с другими лошадьми не пришел.

Ближе к полудню с ранчо на горе прискакал Джесс Тейлор.

— Карл, неужто ты сбыл с рук это старье, эту серую пададь?

— Нет. С чего ты взял?

— С того, — сказал Джесс. — Выехал я сегодня с утра пораньше и что вижу? Смех да и только. Вижу старика на старой лошади, без седла, вместо уздечки — кусок веревки. И едет не по дороге, а напрямки, через кустарник. А в руках, похоже, винтовка. Во всяком случае, что-то блестящее.

— Это старый Гитано, — пояснил Карл Тифлин. — Сейчас посмотрю, все ли ружья на месте.

— На секунду он заглянул в дом. — Нет, все тут как тут. В какую сторону он ехал, Джесс?

— В этом весь смех. В сторону гор, вот в какую.

Карл засмеялся.

— Горбатого могила исправит, — сказал он. — Надо думать, он просто украл старину Истера.

— Поскачешь за ним, Карл?

— Господь с тобой, мне же лучше, закапывать это старье не придется. Но интересно — где он взял винтовку? И что он позабыл в горах?

Джоди прошел через огород и выбрался к живой изгороди. Пристально взгляделся в гигантские горы — хребет, за ним другой, третий, и так до самого океана. На миг ему показалось, что он видит черную точку, медленно ползущую по склону дальнего хребта. Джоди стоял и думал о рапире, о Гитано. О великих горах. Какое-то смутное желание всколыхнулось в нем, такое сильное, что к горлу подкатил ком. Он лег в зеленую траву возле круглого корыта, недалеко от живой изгороди. Прикрыл скрещенными руками глаза и лежал так долго-долго, полный тягостной необъяснимой горечи.